
Глава 4

«РУБЕЖИ НАУКИ»

Сорок с небольшим лет спустя

Ван Мяо решил, что четверо мужчин, пришедших к нему, составляют прелюбопытную комбинацию: двое полицейских и двое в военной форме. Если бы последние были из вооруженной полиции, это еще можно было бы понять, но они и правда являлись офицерами армии.

При виде полицейских Ван почувствовал раздражение. Нет, с тем, что помоложе, все в порядке; он хотя бы ведет себя вежливо. Зато тот, что постарше, в гражданском, сразу вызвал у Вана неприязнь. Это был плотного телосложения мужчина с мясистым лицом. Одетый в засаленную кожаную куртку, воняющий табачищем и громогласный, он относился к тому разряду людей, которых Ван презирал.

— Ван Мяо?

От такого бесцеремонного обращения¹⁴ Вана покорило. При этом полицейский прикуривал, не соизволив даже поднять голову, отчего Ван почувствовал себя оскорбленным еще сильнее. Не дожидаясь ответа, толстомордый кивнул младшему коллеге. Тот показал Вану свой значок.

Закурив, старший собрался войти в квартиру.

— Я попросил бы у меня не курить, — сказал Ван, заступая дорогу.

— Просим прощения, профессор Ван, — смущенно улыбнулся младший офицер. — Это капитан Ши Цян. — Он послал коллеге умо-

¹⁴ У китайцев при обращении к незнакомым и малознакомым людям принято употреблять какой-нибудь титул: «профессор Ван», «инженер Ян». — *Прим. перев.*

ляющий взгляд.

— Ладно, можно поговорить и в коридоре, — сказал Ши, глубоко затянувшись. Почти половина сигареты обратилась в пепел, при этом полицейский выдохнул очень мало дыма. Он кивнул молодому: — Давай, спрашивай.

— Профессор Ван, — сказал тот, — нам хотелось бы знать, вступали ли вы в последнее время в какие-либо контакты с членами общества «Рубежи науки»?

— В «Рубежах науки» состоят многие знаменитые ученые, и оно очень влиятельно. Почему это мне вдруг нельзя вступать в контакт с легальным международным научным обществом?

— Послушай только, что он несет, — буркнул Ши. — Мы что, сказали, что оно нелегальное? Или что вам нельзя вступать с ним в контакт? — Он наконец выдохнул огромный клуб дыма прямо в лицо Ван Мяо.

— Хорошо. Тогда вот что: мои контакты — мое личное дело, и попрошу вас не вмешиваться. Я не обязан отвечать на ваши вопросы.

— Личное дело? Вы научный работник. У вас есть обязанности по отношению к народу, который вас кормит. — Ши отбросил окурочек и вытащил новую сигарету из мятой полупустой пачки.

— Я имею право не отвечать. Будьте добры, уйдите. — Ван повернулся, чтобы уйти к себе.

— Подождите! — выкрикнул Ши и махнул рукой молодому. — Дай ему адрес и номер телефона. — Затем обратился к Вану: — Совещание сегодня после обеда.

— Что вам, собственно, нужно? — спросил Ван; в его голосе уже начали пробиваться нотки гнева. Привлеченные шумом, в коридор стали выглядывать соседи.

— Капитан Ши! Вы же обещали, что вы... — Молодой полицейский отвел начальство в сторону и торопливо заговорил приглушенным голосом. Похоже, дурные манеры Ши раздражали не только Вана.

— Профессор Ван, пожалуйста, поймите нас правильно, — шагнув

вперед, сказал один из военных, майор. — Сегодня после обеда состоится важное совещание, на которое приглашены несколько крупных ученых и специалистов. Генерал лично послал нас передать вам приглашение.

— После обеда я занят.

— Мы знаем. Генерал уже переговорил с главой Исследовательского института нанотехнологий. Без вас это совещание не имеет смысла. Если вы не можете в нем участвовать, мы перенесем его на удобное время.

Ши и его напарник, не добавив ни слова, повернулись и пошли вниз по лестнице. Оба военных смотрели им вслед с явным облегчением.

— Почему он так себя ведет? — обратился майор к своему коллеге.

— Да он всегда такой. У него, кстати, не досье, а что-то невероятное. Пару лет назад, в эпизоде с заложниками, он действовал опрометчиво, не задумываясь над судьбой заложников. В результате от рук преступников погибла целая семья, три человека. Ходят слухи, что он и с некоторыми мафиози якшается, использует эту дружбу, чтобы стравливать банды между собой. В прошлом году избил подозреваемого на допросе, тот теперь инвалид на всю жизнь. Из-за этого его на время отстранили от службы...

Ван Мяо заподозрил, что этот разговор между офицерами был специально предназначен для его ушей. Наверно, хотели, чтобы он понял, как сильно они отличаются от этого грубияна. А может, хотели подстегнуть интерес Вана к их миссии.

— И такой тип принимает участие в работе Боевого командного центра? — удивился майор.

— Его сам генерал привлек. Вероятно, он обладает какими-то особыми навыками. В любом случае, его обязанности строго определены, он занимается только вопросами общественной безопасности, а больше ему знать не положено.

«Боевой командный центр?» — Ван уставился на военных, онемев от изумления.

Машина, которую военные прислали за Ван Мяо, доставила его к большому зданию на окраине города. Поскольку на двери был только номер и никакой таблички с названием учреждения, Ван пришел к выводу, что здание, скорее всего, принадлежит армии, а не полиции.

Когда Ван переступил порог конференц-зала, первое, что его поразило, — это царящий здесь хаос. Помещение было заставлено компьютерами. У организаторов не хватило столов, и они разместили несколько системных блоков на полу, опутанном электропроводами и сетевыми кабелями. Маршрутизаторы расставили как попало прямо на серверах. Повсюду валялась принтерная бумага. Несколько проекционных экранов неприкаянно торчали в углу. В помещении висело облако густого табачного дыма. Ван Мяо не был уверен, в самом ли деле он попал в Боевой командный центр, но одно он осознал четко: происходящее здесь настолько важно, что этим людям наплевать, как это все выглядит.

На большом столе, составленном из нескольких поменьше, кучами громоздились документы, валялась всякая всячина. Вид у собравшихся был усталый, одежда измята. Те, на ком были галстуки, ослабили узлы. Создавалось впечатление, будто эти люди не спали всю ночь.

Совещание возглавлял генерал-майор Чан Вэйсы; половину собравшихся составляли военные. Вану быстро представили всех, и оказалось, что здесь также присутствовало много полицейских. Остальные оказались учеными, как и сам Ван, причем некоторые были знаменитыми специалистами в различных областях фундаментальной науки.

Среди присутствующих оказалось четверо иностранцев. Ван поразился, узнав, кто они такие. Здесь были два представителя НАТО — полковник ВВС США и полковник британской армии — и два офицера ЦРУ, по всей видимости, наблюдатели.

На лицах всех сидящих за столом было одно и то же выражение: «Мы сделали все, что в наших силах, давайте поскорее покончим с этим, и пошло оно все к такой-то матери».

За столом Ван Мяо увидел Ши Цяна. Сегодня тот вел себя вежливее, чем накануне, — здороваясь с Ваном, назвал его «профессор». И все же высокомерная усмешка на лице Ши безмерно раздражала Вана. Ему не хотелось сидеть рядом с этим неотесанным мужланом, но выбора не было — единственное свободное место оставалось как раз около него. И без того густое облако дыма было тут еще плотнее.

Пока собравшимся раздавали документы, Ши придвинулся ближе к новому соседу.

— Профессор Ван, я слышал, вы разрабатываете этот, как его... новоматериал?

— Наноматериал, — поправил Ван.

— Ну да. Говорят, очень прочная штука. А как вы думаете, она может послужить орудием преступления? — На лице Ши по-прежнему застыла полуулыбка, так что Ван не мог понять, серьезен тот или шутит.

— Что вы имеете в виду?

— Ну... Я слышал, что на тоненькой нити из этого вещества можно поднять в воздух целый грузовик. А если оно попадет в руки преступников и они сделают из него нож — смогут они одним махом разрезать автомобиль?

— Для этого и нож делать не надо. Из наноматериала можно изготовить нить толщиной в одну сотую волоса. Если ее натянуть поперек шоссе, она разрежет проезжающий автомобиль на две половинки, словно сыр. Конечно, наноматериал можно использовать с преступными целями — а что нельзя? Убить можно и тупым ножом для чистки рыбы.

Ши наполовину вытащил документ из лежащего перед ним конверта, но сунул его обратно, внезапно потеряв интерес.

— Точно! Даже саму рыбу можно использовать как орудие преступления. Расследовал я как-то одно дело. Тетка отрезала своему мужу фамильные драгоценности. И знаете чем? Тилапией, которую достала из морозилки. У этой рыбки шипы на спине острые, как бритва...

— Простите, но мне неинтересно. Меня пригласили сюда, чтобы говорить об этом?

— О чем — об «этом»? О рыбе или наноматериалах? Ладно, ладно, вы здесь вовсе не для этого. — Ши придвинулся ближе и зашептал Вану в ухо: — Не церемоньтесь с этими типами. Они нас ни в грош не ставят. Все, чего им надо, — это выудить из нас всю информацию, а вот самим что-нибудь рассказать — шиш. Я, например, торчу тут уже месяц и по-прежнему ничего не знаю. В точности как вы.

— Товарищи, — проговорил генерал Чан Вэйсы, — давайте приступим к делу. Из всех зон боевых действий на Земле эта — самая важная. Необходимо доложить всем присутствующим товарищам о последних изменениях в ситуации.

Не слишком обыденное выражение — «зона боевых действий», подумал Ван. Он заметил также, что генерал, очевидно, не собирается посвящать новичков вроде Вана в подробности происходящего. Это подтверждало слова Ши. И еще одна странность — в своем кратком вступлении генерал дважды употребил слово «товарищи». Ван взглянул на сидящих напротив представителей НАТО и ЦРУ. Генерал не посчитал нужным прибавить обращение «господа»...

— Они тоже товарищи. Здесь все так обращаются друг к другу, — прошептал Ши Вану, указывая на иностранцев кончиком сигареты.

Ван изумился — Ши прочитал его мысли! Да, этому человеку в наблюдательности не откажешь...

— Погаси сигарету, Да Ши. Тут и без нее нечем дышать, — сказал генерал, просматривая бумаги. Он назвал Ши Цяна дружеским прозвищем — «Старина Ши».

Полицейский оглянулся вокруг в поисках пепельницы и, так и не найдя, сунул сигарету в чашку с чаем. Затем вскинул руку и заговорил прежде, чем генерал предоставил ему слово:

— Генерал, у меня все тот же вопрос. Требую информационного паритета!

Генерал поднял голову.

— Информационный паритет при военной операции? Когда такое

было? Вынужден извиниться перед уважаемыми учеными, но сказать больше того, что уже сказали, мы не можем.

— Мы не то же самое, что яйцеголовые, — настаивал Ши. — Полиция находится на службе у Боевого командного центра с момента его учреждения, а мы до сих пор не знаем, что к чему. Как использовать нас — так вы первые, а как что-то рассказать — так посылаете нас куда подальше!

Сразу несколько полицейских зашикали на него. Ван удивился: Ши осмеливается так говорить с генералом? Но ответная реплика Чана изумила его еще больше.

— Да Ши, похоже, у тебя все та же проблема, что и во время службы в армии. Ты считаешь, что имеешь право говорить от имени полиции? За все твои художества тебя отстранили от службы на несколько месяцев, а могли бы и вообще выгнать! Я взял тебя на работу в Центр, потому что высоко ценю твой опыт по части охраны правопорядка в городе. Поблагодарил бы лучше за такую возможность!

Но Ши и не думал рассыпаться в благодарностях.

— Ах вот как! Значит, по-вашему, я должен вкалывать как проклятый, чтобы заслужить прощение? А разве не вы говорили, будто все мои методы — грязные и нечестные?

— Зато действенные, — возразил Чан. — Для нас сейчас важно только, чтобы они работали. В военное время не до церемоний.

— Нам нельзя быть чересчур разборчивыми в средствах, — поддакнул офицер ЦРУ на превосходном китайском. — Обстоятельства таковы, что приходится мыслить и действовать нестандартно.

Британский полковник кивнул — он, очевидно, тоже знал китайский.

— Быть или не быть, — добавил он по-английски. — Это вопрос жизни и смерти.

— Что он говорит? — поинтересовался Ши у Вана.

— Неважно, — машинально ответил тот. Что за бред несут эти люди? «Военное время? Какая война, где?!» Ван повернулся к одному из

высоких, от пола до потолка, окон. Там был залитый весенним солнцем Пекин: плотные потоки автомобилей текут по улицам, в скверике какой-то человек выгуливает собаку, играют детишки...

«Какой мир более реален — там, снаружи, или здесь, в этих стенах?»

Генерал Чан сказал:

— В последнее время враг усилил атаки. Его целью по-прежнему остаются самые выдающиеся представители науки. Будьте добры ознакомиться со списком имен в документе.

Ван взглянул на первую страницу, напечатанную крупным шрифтом. Список, похоже, составленный на скорую руку, содержал и китайские, и английские имена.

— Профессор Ван, вам знакомы какие-нибудь из этих имен? — спросил Чан.

— Мне известны три из них — все большие ученые, работающие на передовых рубежах физики. — Тут Ван чуть запнулся. Глаза его остановились на последнем имени. Эти два иероглифа по цвету отличались от других. «Она? В этом списке? Почему? Что с ней?!»

— Вы с ней знакомы? — Ши ткнул в имя толстым пальцем с желтым пятном от табака. Ван не ответил. — Ха! Не знакомы. Но очень хотели бы познакомиться, а?

Вот теперь Ван Мяо понял, почему генерал Чан взял к себе этого человека, который когда-то служил у него простым солдатом. Вульгарный и невоспитанный Ши обладал отменно острым глазом. Может, он и не был *хорошим* полицейским, но эффективным — безусловно. Он нагонял страх.

* * *

За год до описываемых событий Ван Мяо отвечал за нанокomпоненты на строящемся в Лянсяне «Синотроне II» — ускорителе заряженных частиц высоких энергий. Как-то после полудня, выйдя на воздух, он был поражен открывшейся ему картиной. Ван увлекался пейзажной

фотографией и потому часто смотрел на окружающее взором художника.

Сейчас перед ним развернулась великолепная композиция, центром которой служил соленоид сверхпроводящего магнита. Смонтированное пока только наполовину, но уже насчитывавшее три этажа в высоту, это нагромождение гигантских металлических блоков и охлаждающих труб выглядело настоящим монстром. От сооружения, похожего на груды индустриальных отходов во времена промышленной революции, веяло бездушной технологической жестокостью и железобетонным варварством.

На фоне этого мрачного чудовища ярким пятном выделялась тонкая фигура молодой женщины. Не только сама эта картина, но и освещение было совершенно фантастическим: строящийся соленоид утопал в тени временного строительного тента, что еще больше подчеркивало его мрачный характер, но один-единственный луч послеполуденного солнца проникал сквозь отверстие в центре навеса и падал на женщину. Мягкое сияние окутывало ее роскошные волосы и подчеркивало белизну шеи над воротником комбинезона. Она была похожа на диковинный цветок, распустившийся среди металлических руин после яростной бури...

— На что уставился? Быстро за работу!

Ван, внезапно вырванный из созерцания, опешил от такой грубости, однако тут же сообразил, что директор Исследовательского института нанотехнологий кричал вовсе не на него, а на молодого инженера, тоже не отводившего глаз от незнакомки. Вернувшись в реальность, Ван увидел, что рядом с женщиной стоит главный инженер и что-то почтительно объясняет. Значит, она не простая работница.

— Кто эта женщина? — спросил Ван директора.

— Вы должны бы ее знать. — Директор повел рукой вокруг себя. — Вам известно, сколько стоит этот ускоритель? Двадцать миллиардов юаней. И первый эксперимент на нем, скорей всего, проведет именно она, проверяя свою модель суперструн. Как правило, эта честь оказыва-

ется особо заслуженным ученым мужам, и в обычных обстоятельствах ей бы такого права не дали — она не «муж», и не особо заслуженный. Но никто из маститых не выразил желания сделать первый опыт — наверно, боятся провалить его и потерять лицо. Вот ей и выпал шанс.

— Как?.. Так это Ян Дун? Она женщина?!

— Вы правы, — вздохнул директор. — Мы и сами узнали об этом всего пару дней назад, когда наконец познакомились с ней.

Вмешался молодой инженер:

— А у нее с головой вообще-то все в порядке? Разве люди в здравом рассудке отказываются от интервью? Или она как Цян Чжуншу¹⁵, который так и умер, ни разу не появившись на телевидении?

— Мы хотя бы знали, какого Цян пола, — отозвался Ван. — Держу пари, у Ян Дун было необычное детство. Наверно, поэтому она замкнулась в себе. — Ван произнес это с некоторой самоиронией. Он пока еще даже не заслужил, чтобы им заинтересовалась пресса, не говоря уж о том, чтобы отказываться от интервью...

В это время Ян Дун и главный инженер отошли от соленоида. Проходя мимо Вана и его собеседников, она безмолвно улыбнулась и легонько кивнула. Вану навсегда запомнились ее лучистые глаза.

В тот вечер он сидел у себя в кабинете и любовался фотографиями, висящими на стене. Эти работы были его гордостью. Особенно пристально он всматривался в один пейзаж, изображавший уединенную долину меж заснеженных гор. Почти треть переднего плана занимал остов мертвого дерева, иссушенный долгой чередой лет. Ван мысленно подставил в картину фигуру, которая занимала сейчас все его мысли, поместив ее в дальнем конце лощины. Удивительно — пейзаж мгновенно ожил, как будто запечатленный на фотографии мир признал незнакомку своей неотъемлемой частью, как будто само это место было создано природой только ради нее.

¹⁵ Цян Чжуншу (1910—1998) был одним из самых знаменитых литераторов Китая XX века. Эрудит, культуролог, человек острого ума, он был отшельником по натуре и постоянно отказывался иметь дело с прессой. — *Прим. К. Л.*

Точно так же Ван мысленно подставил фигуру Ян Дун во все остальные фотографии, иногда помещая ее сияющие глаза в небе над землей. Эти снимки тоже оживали и становились безусловно прекрасными. Такой красоты Ван даже вообразить себе не мог.

Ему всегда казалось, что его фотографиям чего-то не хватает — быть может, души? Теперь он понял: им не хватало *ее*.

* * *

— Все имена в списке — это физики, совершившие самоубийство за последние два месяца, — пояснил генерал Чан.

Вана словно громом поразило. Черно-белый ландшафт перед его мысленным взором поблек. На фотографиях больше не было Ян Дун, и ее глаза исчезли с небосвода. Все эти миры погибли.

— Когда... Когда это произошло? — непослушными губами спросил он.

— В течение последних двух месяцев, — повторил Чан.

— Вы имеете в виду имя в конце списка, я так полагаю? — влез Ши. — Она умерла последней — двое суток назад от передозировки снотворного. Ушла тихо и спокойно, без боли.

На одно мгновение Ван почувствовал признательность к грубияну-полицейскому.

— Но почему? — спросил Ван. Мертвые ландшафты продолжали свою круговерть в его мозгу.

— Единственное, в чем мы можем быть уверены, — ответил генерал, — это что причина для самоубийства была у всех одна и та же. Правда, ее трудно определить. Может статься, что нам, неспециалистам, ее вообще не понять. В документе приводятся выдержки из их предсмертных записок. Вы сможете ознакомиться с ними после совещания.

Ван пролистал записки. Вернее, даже не записки, а целые сочинения.

— Доктор Дин, не будете ли вы так добры показать профессору Вану записку Ян Дун? Она самая короткая из всех и, похоже, наиболее

точно выражает общий характер записок.

Дин И, к которому обращался генерал, до сих пор не произнес ни слова. Немного помедлив, он протянул Вану через стол белый конверт.

Ши пробормотал:

— Он был парнем Ян.

Ван припомнил, что видел Дина на строительстве ускорителя в Лянсяне. Этот теоретик прославился тем, что, изучая шаровую молнию, открыл макроатом¹⁶. Ван вынул из конверта тонкий, неправильной формы листок, от которого исходил едва заметный аромат. Это была не бумага — записку написали на бересте. Изящные иероглифы гласили:

«Все факты свидетельствуют об одном: физика никогда не существовала и никогда не будет существовать. Я знаю, что поступаю безответственно, но у меня нет иного выбора».

Под запиской даже не было подписи. Ян Дун покинула этот мир.

— Физика... никогда не существовала? — Ван не знал, что и думать.

Генерал захлопнул папку.

— Среди документов вы также найдете подробный отчет о результатах экспериментов, полученных на трех новейших ускорителях. Информация чисто техническая, мы не станем ее тут обсуждать. Центром нашего расследования прежде всего является общество «Рубежи науки». ЮНЕСКО объявила 2005 год Всемирным годом физики. Общество, о котором идет речь, образовалось путем постепенного объединения различных групп ученых, собиравшихся на конференциях и дискуссиях в этом году. Доктор Дин, вы, как физик-теоретик, не могли бы разъяснить нам ситуацию более подробно?

Дин кивнул.

— Я лично не поддерживаю прямой связи с «Рубежами науки», но это общество очень известно в академических кругах. Его кредо можно выразить следующим об-

¹⁶ Чтобы узнать больше о Дин И, обратитесь к рассказу Лю Цисиня «Шаровая молния». — *Прим. К. Л.*

разом.

Во второй половине XX века физика утратила стройность и простоту, характерную для классических теорий. Современные теоретические построения становятся все более и более сложными, расплывчатыми и неясными. Экспериментальные подтверждения тоже добываются с бо́льшим трудом. Это признак того, что физика уперлась лбом в стену.

Члены «Рубежей науки» учатся мыслить по-новому. Они хотят с помощью научных методов исследовать границы науки, пытаются узнать, существуют ли пределы, за которые наука в своем познании природы не может заглянуть. Состояние современной физики предполагает, что мы как раз коснулись этой черты.

— Очень хорошо, — сказал Чан. — Согласно нашим сведениям, большинство ученых, совершивших самоубийство, были так или иначе связаны с «Рубежами науки», а некоторые даже являлись членами общества. Но мы не нашли никаких доказательств использования психотропных средств или других приемов психологической манипуляции наподобие тех, что применяются в некоторых религиозных сектах. Другими словами, даже если «Рубежи науки» и повлияли на ученых, то сделано это было иначе, например, во время дискуссий. Профессор Ван, поскольку с вами они вошли в контакт совсем недавно, хотелось бы кое-что у вас узнать...

Тут его перебил Ши Цян:

— Включая имена, время и место встреч, содержание разговоров, а если вы обменивались обычной или электронной почтой, то и...

— Заткнись, Да Ши! — приказал Чан.

Другой офицер полиции придвинулся к Цяну и прошипел:

— Бойтесь, мы забудем, что у вас есть рот, если вы не будете все время разевать его?

Ши схватил свою чашку, но, увидев плавающий в ней окуроч, поставил обратно.

Слова Ши опять вызвали у Вана раздражение сродни тому, которое

испытывает человек, почувствовавший, что вместе с едой проглотил муху. От былой признательности не осталось и следа. Но он взял себя в руки и ответил:

— Мое знакомство с «Рубежами науки» началось со встречи с Шэнь Юйфэй — японкой китайского происхождения. Она физик, работает в японской компании здесь, в Пекине. Раньше она была сотрудником лаборатории при «Мицубиси», занималась нанотехнологиями. Мы встретились на технической конференции в начале этого года. Она познакомила меня с другими физиками, членами «Рубежей науки», как китайскими, так и зарубежными. Наши разговоры были... как бы это выразиться... ну, очень радикальными, что ли. Основным вопросом был тот, который только что затронул доктор Дин: каковы пределы научного познания?

Поначалу эти беседы интереса у меня не вызывали. Праздное времяпрепровождение, и только. Мое дело — прикладные исследования, и я мало разбираюсь в вопросах теории. По большей части я лишь выслушивал споры между другими учеными. Все эти люди были мыслителями с неординарными взглядами, и я чувствовал, что общение с ними расширяет мой кругозор. Постепенно во мне проснулся интерес, однако все разговоры ограничивались лишь теорией. Однажды меня пригласили присоединиться к «Рубежам науки», но если бы я это сделал, собрания и дискуссии превратились бы в обязанность. Поскольку время и силы у меня весьма ограничены, я отказался.

— Профессор Ван, — сказал генерал, — нам бы хотелось, чтобы вы приняли их предложение и присоединились к «Рубежам науки». Собственно, поэтому мы вас сегодня и пригласили. С вашей помощью мы могли бы больше узнать о том, что происходит внутри этой организации.

— Вы хотите сделать из меня «крота»? — Вану стало не по себе.

— Точно, крота! — хохотнул Ши.

Чан осуждающе взглянул на него и вновь повернулся к Вану.

— Скажем так — мы хотели бы получить от вас информацию. Дру-

гой возможности проникнуть в это общество у нас нет.

Ван покачал головой.

— Прошу прощения, генерал. Я не могу так поступить.

— Профессор Ван, в «Рубежи науки» входят ведущие ученые разных стран. Расследование их деятельности — дело чрезвычайно сложное и деликатное, все равно что идти по тонкому льду. Если нам не поможет кто-то из академических кругов, далеко мы не продвинемся. Вот почему мы просим вас. Но мы примем любое ваше решение. Если вы не согласитесь, мы пойдем.

— Но я... я очень занят по работе... У меня попросту нет времени...

Генерал Чан кивнул.

— Хорошо, профессор Ван. Мы больше не смеем отнимать ваше драгоценное время. Спасибо, что посетили наше совещание.

Ван подождал еще несколько секунд, не сразу поняв, что его просят уйти.

Генерал вежливо проводил Вана до двери. Сзади раздался громкий голос Ши:

— Так оно, пожалуй, и к лучшему. Мне все равно этот план не нравился. Книжные черви только и знают, что кончают с собой. И с этим будет так же. Посылать его все равно что бросить пельмень собакам.

Ван развернулся и ринулся обратно к Ши. С трудом овладев собой, он отчеканил:

— Хорошему полицейскому так разговаривать не подобает!

— А кто сказал, что я *хороший* полицейский?

— Мы не знаем, почему эти исследователи покончили с собой, но вам не стоило бы говорить о них так пренебрежительно! Их труды внесли неопенимый вклад в мировую культуру!

— Хотите сказать, что я им в подметки не гожусь? — Ши, не вставая с места, поднял голову и взглянул Вану прямо в глаза. — Я-то уж, по крайней мере, не стал бы резать себе вены из-за того, что какая-то сволочь нагородила мне кучу всякой ерунды!

— А я, по-вашему, стану?!

— Я всего лишь забочусь о вашей безопасности. — На лице Ши снова появилась его фирменная кривая усмешка.

— Думаю, что в подобной ситуации я справился бы лучше вас! Способность человека отличать правду от лжи напрямую зависит от багажа его знаний.

— А вот я так не думаю. Для таких, как вы...

— Замолчи, Да Ши! — вмешался генерал Чан. — Еще одно слово — и вылетишь отсюда как миленький!

— Нет, почему же, — возразил Ван. — Пусть говорит. — Он повернулся к генералу. — Знаете что, я передумал. Я присоединюсь к «Рубежам науки».

— Вот и хорошо! — энергично кивнул Ши. — Держите ушки на макушке. Пользуйтесь любой возможностью добыть новую информацию. Например, заглядывайте в их компьютерные экраны, запоминайте адреса электронной почты и веб-сайтов...

— Довольно! Вы не поняли меня. Я не желаю становиться шпионом. Я всего лишь хочу доказать, что вы дурак!

— Если протянете хотя бы пару месяцев, после того как присоединитесь к ним, то я охотно признаю себя дураком! Но, боюсь, вы того... — Ши вздернул голову, и его усмешка превратилась в волчий оскал.

— Еще как протяну! И больше я не хочу вас видеть! Никогда!

* * *

Генерал отвел Вана в сторону и занимал разговором, пока все не разошлись — чтобы они с Ши опять не схлестнулись. Затем он проводил профессора на первый этаж и вызвал машину.

— Выкиньте Ши из головы, — сказал генерал Вану. — Ну такой он человек, что поделаешь. Вообще он очень опытный полицейский, эксперт по борьбе с терроризмом. Двадцать лет назад служил рядовым в моей роте.

Подходя к машине, Чан добавил:

— Профессор Ван, у вас, должно быть, много вопросов...

— Какое отношение то, о чем говорилось на совещании, имеет к военным?

— Война — это дело военных, разве не так?

Ван недоуменно уставился на него.

— О какой войне речь? Ведь сейчас, похоже, самое мирное время за всю историю человечества!

На непроницаемом лице Чана появилась загадочная улыбка.

— Скоро узнаете. Скоро все узнают. Профессор Ван, с вами когда-нибудь случалось что-то такое, что изменило бы всю вашу жизнь? Событие, после которого мир для вас стал бы совершенно другим?

— Нет.

— Тогда считайте, вам очень повезло! В мире царит непредсказуемость, а с вами, получается, не происходило никаких кризисов?

Ван некоторое время обдумывал сказанное, по-прежнему в недоумении.

— Думаю, то же самое можно сказать о большинстве людей, — наконец сказал он.

— Ну тогда большинству людей везет в жизни.

— Но... многие поколения жили так — просто жили и все...

— Им тоже повезло.

Ван засмеялся и покачал головой.

— Должен признаться, сегодня я не очень сообразителен. Вы хотите сказать, что...

— Да, я хочу сказать, что вся история человечества — сплошное везение. Начиная с каменного века и до наших дней нам не приходилось сталкиваться с настоящим кризисом. Но всякое везение когда-нибудь кончается. Послушайте меня. Удаче пришел конец. Готовьтесь к худшему.

Ван хотел было спросить о чем-то еще, но генерал помотал головой и попрощался, избегая дальнейших вопросов.

Ван сел в машину, назвал шоферу адрес и спросил:

— Это вы привезли меня сюда? Кажется, машина та же самая.

— Нет, не я. Я вез доктора Дина.

У Вана родилась идея. Он попросил шофера отвезти его к Дину.